

ВАЖНО и увлекательно видеть новые города, по, знаете, иной раз, наверное, важнее и увлекательней увидеть город во второй раз — после одяжды случившегося короткого свидания. Бывает: долго не встречаешься с человеком и думаешь о нем мало, вовсе почти не думаешь, захваченный вихрем забот, окруженный другими лицами. А потом судьба вновь сталкивает тебя с ним, и ты вдруг начинаешь испытывать к ней огромную благодарность, и что-то забытое, важное поднимается со дна души... И приходит захлестывающее радостью понимание: ты же любишь этого человека, все это время он был — непазайливо, деликатно — с тобой, в тебе, расширяя и обогащая твой душевный круг, а что может быть нужнее, дороже... Так с людьми, так с городами.

Пять лет я не был в Варшаве, и сразу же пошел на площадь Старо Мiesta, уютную, миниатюрную, с давними невысокими домиками, такую безлюдную в этот дневной час. Маленькие — на пять-шесть столиков — кафе. И обширный, вместительный клуб Союза социалистической молодежи. В подвале клуба — помещение для танцев, играют джазы высокого класса. Еще можно съесть пирожное, выпить кофе, бокал вина. Здесь встречаются влюбленные, здесь спорят об искусстве, о науке. Здесь есть где-то подземный ход, им в 44-м пытались пройти бойцы, дравшиеся с фашистами до последнего патрона, но, расклевывая, никто так и не вышел живым. А давние домики — это известно всем — вовсе не давние, а только кажутся таковыми: разрушенные в годы оккупации до основания, они потом восстановлены, какими были, со всей тщательностью.

А что за удовольствие пройтись по Маршалковской, время от времени перепрыгивая через проритые строениями рыи или балансиря на мостиках. Она все отстраняется, эта главная улица города, парадная не может остановиться и выкашливает ее, и делает краше и краше — словно бы и в издании тем, кто хотел стереть ее с лица земли. Теперь свернем с Маршалковской — есть там, в самом центре, несколько узких улочек, по которым почти не ездят автомобили, а люди ходят прогулочным шагом. На одной из них — уличный оркестр из четырех-пяти человек. Я под подливался, чтобы застать его, и долго слушал старые рентгеновские танго, из которых в основном и состоял его пышный репертуар. Оркестранты стояли посреди улицы, почти все очень немолодые люди, и в манерах, в осанке их было достоинство настоящих артистов, а на глазах, кажется дво-

их, — темные очки, не светочувствительные, а такие, которые прикрывают невидящие глаза.

В ДЕСЯТИ минутах ходьбы — другой оркестр. На сцене Классического театра, что расположен в огромном Дворце культуры и науки, вот уже несколько лет с огромным успехом идет спектакль Л. Бурдеско и И. Каннико «Не прийти к тебе сегодня...» Это музыкальное представление, построенное на основе партизанских песен времен войны (вошли в него

Мелочь, конечно, легкий штрих. Вам он по душе? Мне — очень. Потому что подобные штрихи искусства и быта помогают жить, не утратить себя в суматошных и наматывающих буднях, оберегают от нервных срывов, от продитованных ими, пусть малозначащих поступков, но которых, однако, потом приходится стыдиться.

И в том еще особенность стиля, что его изящество, легкость не заключают в себе возможности перехода в легковесность, развязность.

ности, ибо основы ее справедливы и прочны, а болезни — это болезни роста, и у растущего общества вполне достаточно сил, чтобы излечить, ликвидировать их, а не загонять внутрь.

Мы стараемся быть предельно злободневными, — говорит руководитель театра Анджей Ярепкий, — да, собственно, вся суть сатиры в злободневности. Но мы хотим воспитывать в нашем зрителе чувство хозяина, деду чести которого — очистить свое хозяйство от таких пороков и

непосредственная связь между искусством самодеятельным и искусством профессиональным, причем нередко в высших его образцах. Стоит присмотреться, верно? На этом «организационное» отступление заканчивается.

ГАМЛЕТ в Национальном театре — крупное театральное событие современной Польши. Его поставил Адам Ханушкевич, недавно ставший директором и художественным руководителем театра, один из интерес-

и виновные. Неделикатный век, трудно быть ангелом.

Но есть в этом Гамлете при всех его и не слишком привлекательных свойствах то, чего решительно лишены окружающие, — есть жажда высшей гармонии мира, неустанный поиск ее. Он словно бы уже действует в иных измерениях, до которых никому из других героев пьесы не дано подняться. И есть в этом Гамлете почти непостижимая способность в какие-то мгновения раскрываться людям доверчиво и незащищенно, хотя нет таких мгновений, когда его не мог бы подстеречь удар из-за угла, и Гамлет знает это. Жизнь ломала Гамлета — Ольбрыхского, не считаясь с хрупкостью молодости, открывала ему, не таясь, свои темные бездны, но упомянутой способности и надежды, надежды, несмотря на то, в нем не убита.

— Знаете, — сказал я Ханушкевичу, — при всей верности Шекспира, это очень польский Гамлет. Меня не оставляет ощущение, что за его плечами, помимо всех гамлетовских проблем, еще и трагедия оккупации Польши.

— Такой задачи мы непосредственно себе не ставили. Вообще думали о Шекспире и не хотели никаких прямых аналогий. Но если драму войны вы все же услышали в спектакле, здесь нет ничего удивительного. Наверное, мы не можем без этого.

— А правомерно ли говорить о какой-то главной, ведущей теме вашего театра, лично вашей?

— Я не умею «формулировать» тему. Во всяком случае мы не стремимся быть непохожими на других во что бы то ни стало. Возжаждавшие оригинальности как таковой, ничего серьезного в искусстве не сделаем. Если мы идем сложными путями, то этого требует сложность мышления человека, сидящего в зале, сложность вопросов, которые ставят перед ним жизнь. Приходить же стараемся к ясным простым и вечным — к тому, чтобы люди были мудрее, чтобы они яснее и чище жили, чтобы постоянно и свято помнили о своем прошлом, чтобы любили театр, в конце концов, чтобы искусство было им нужно, как хлеб...

А ВСЕ-ТАКИ пора уезжать, всему бывает конец. Последок снова пройти по сияющей вечерними огнями Маршалковской и задумчиво постоять на тихой площади Старо Мiesta. Не вовсе напоследок, буду надеяться. Вызвать города, куда и в третий раз позарез тянет приехать, может быть, даже больше, чем во второй, — любимые города...

К. ЦЕРБАКОВ.
(Наш спец. корр.).
Варшава — Москва.

ВТОРОЕ СВИДАНИЕ

СЕГОДНЯ — ГОДОВЩИНА ОСВОБОЖДЕНИЯ
ВАРШАВЫ ОТ ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ

и мелодии, созданные ранее, но ставшие популярными в годы борьбы с фашистами). Одна из песен — шуточная. В программе лаконично сказано: «...ее исполняют уличные музыканты, которые во время восстания играли на улицах Варшавы». Рупийлер многоэтажные дома, грустными танков превращали человеческие тела в кровавое месиво, а музыканты стояли и интриговали свою шуточную песенку — похожие на тех, виденных мною поблизости от Маршалковской, только помоложе, пожалуй... Рассуждая о героическом, возмущающем душу искусстве, не забудем же и этот вот, из спектакля, «надежды маленький оркестрик под управлением любви». Не забудем и задумаемся над тем, почему бережливы и чутки сегодня варшавяне к своему скромному и неприметному уличному оркестру...

КАК умели улыбаться поляки, улыбаются, разумеется, и сейчас. Улыбка всегда при них — на службе, в кафе, на улице. Такой уж стиль. Ни шагу без юмора. Сюжет кинохроники о нарушении движения, какие уж тут смехи. Но только... Да нет, что же я, ведь поляки делали. В форме блюстители порядка не строгий неприкосновенный мужчина, а милостивая пани, которая тоже пытается быть строгой, только ей, знаете ли, не позавидуешь. Нарушителей масса, штрафовать приходится плачками, а спросишь, в чем дело, — ответ один: не заметил поворот или красный свет, загляделся на пани милиционера.

Нет боязни перешутить. Потому что, сколько ни шути, а самый глубокий подтекст, помимо даже желания и намерений, непроизвольно и непременно обозначит пережиток. То, какой тяжелой, жестокой ценой дались полякам освобождение от фашистской чумы, возможность строить на своей земле мирную социалистическую жизнь. И как они будут непреклонны в отстаивании чистоты завоеванной этой жизни.

ПОЭТОМУ, наверное, — во всяком случае во многом поэтому, шутки бывают разными — не только добродушными, но и достаточно злыми.

СТС — студенческий театр сатиры. Виденная мною работа — изображение на современной тему, в основе которого подлинны факты, свидетельствующие о трудностях молодых изобретателей, о бюрократических помехах, ветюющих на их пути. Исползованы, в частности, отчаянные письма самих рационализаторов, формальные отписки, которые были получены в ответ.

Но вот что очевидно: располагая действительно серьезным негативным материалом, откуда не пытались его пригласить и замаять, авторы спектакля на в коей мере не растворяются в нем. Представление сценмировано единой мыслью, а мысль заключается вот в чем. Нужно посмотреть правде в глаза и видеть отрицательные стороны действительности таковы, каковы они есть на самом деле. Это нужно прежде всего для самой действитель-

пережитков, как бюрократизм, шкурничество, равнодушие.

ТЕНЕРЬ вот еще — относительно СТС. Момент чисто организационный, выпадающий из общего контекста заметок, но имеющий смысл практического опыта, поэтому в газете для него должно найтись место. СТС существует 17 лет, первый самодеятельный театр Польши, получивший статус государственного. Произошло это в нынешнем году и на не вполне обычных основаниях.

Профессионалами стали основатели театра, его костяк — десять с небольшим человек (одни из них успели кончить соответствующие училища, другие проходили школу мастерства непосредственно здесь, в стенах СТС). А участвует в спектаклях обычный городской народ — кто же это? С одной стороны — крупнейшие мастера польской сцены, которые с удовольствием гастролируют в СТС, привлекаемые духом непринужденной студийности, прямым и открытым обращением к насущным проблемам дня. С другой — те же самодеятельности: рядом с основной группой постоянно работает около двух десятков энтузиастов-активистов. Со временем кто-то из них, возможно, перейдет в профессиональную часть труппы, посвятит театру всю жизнь, кто-то останется любителем. В обоих случаях можно, не топясь, провонять себя, выбрать, в обоих случаях время, проведенное в театре, никак нельзя будет считать потерянным.

Так осуществляется живая,

нейших представителей современной польской режиссуры. В главной роли — Даниэль Ольбрыхский, самый на нынешний день популярный актер польского кино, знакомый нашему зрителю по таким фильмам, как «Все на продажу» Вайды, «Пан Володыевский», «Графиня Коссель». В театре не играл. «Гамлет», по существу, его спелнический дебют (до этого была совсем маленькая роль в предыдущем спектакле Ханушкевича).

Прежде, до Национального театра, Ханушкевич сам играл Гамлета, сейчас в своей постановке он взял себе роль Призрака. В его Призраке нет ничего мистического, потустороннего, здесь я впервые всерьез подумал о том, что ведь в шекспировской пьесе действуют два Гамлета — отец и сын. Ханушкевич — именно Гамлет, только постепенно, из года в год узнававший о мире много трудного, драматического — до того момента, как его убили. И успевший передать свой сложный духовный опыт сыну. Гамлет Ольбрыхского похож на отца, но нет в нем мудрой, стоической уравновешенности Ханушкевича — ведь трагические знания застали его слишком рано, не сломили, но раздражили, озлобили.

Он все время ошестинел, в любой момент готов ответить ударом на удар, иногда — обострительства научили — может предупредить его, являясь первым, и случается, чего скрывать, оказывается грубым, душевно глухим, несправедливым. И от борьбы его с Клавдием страдают люди не только причастные